

К 85-летию ММК

Броня Победы

Идея прокатки броневых листов на блюминге была равносильна запуску паровоза в воздух

О неоченимой роли Магнитки в годы Великой Отечественной войны сказано и написано немало. Каждое из свидетельств добавляет новые детали в революционное новаторство по выплавке броневой стали, которое привнесли металлурги Магнитогорска.

Одно из произведений принадлежит перу журналиста газеты «Труд» Ильи Пешкину, который в первые месяцы войны был командирован на металлургический комбинат. Илья Соломонович хорошо известен советским читателям как автор книг о рабочих-новаторах, истории техники, часть из которых была создана на основе документальных материалов, очерков о металлургах Магнитки: «Семья Коробовых», «Люди и машины», «Люди и сталь», «Как рождается сталь», «Русский металл», «Покорение железа». В преддверии Дня Победы публикуем сокращённый вариант мемуаров Ильи Пешкина «Сталь броневая, магнитогорская» из серии «Военная литература».

Первая плавка

Хотя Магнитогорск отстоял от фронта военных действий почти на три тысячи километров, нетрудно было себе представить значение этого не обозначенного ни на одной стратегической карте участка. В мыслях об этом я проходил мимо строя мартеновских печей. Как обычно, одни печи загружали железным ломом, в другие заливали чугун, на третьих шла доводка... Спустя немного времени к печи подошли люди, и среди них Г. И. Носов.

С тех пор, как я повстречался с Г. И. Носовым в мартеновском цехе Кузнецкого комбината, прошло лет семь. Носов сильно изменился, он пополнился, и это придавало его высокой фигуре значительность. На лицо его легли глубокие морщины, под глазами были мешки. А ведь ему было 36 лет.

«...23 июля 1941 г. из 185-тонной мартеновской печи № 3 была выпущена первая плавка броневой стали. Сталь варили дуплекс-процессом, для чего печь № 3 была

переделана на «кислую». Плавку варили сталевар Дмитрий Жуков и мастер Егор Сазонов. Сталь получилась годной, и тут же приступили к устройству «кислого» пода на печи № 15». Так записано в хронике завода. О том, что в Магнитогорске варили первую плавку броневой стали, рассказал мне на следующий день директор Г. И. Носов, предупредив, что пока печатать об этом нельзя.

Мы уже начали варить броневую сталь дуплекс-процессом. Этот процесс очень медленный, и таким образом рискуем потерять значительную часть нашей производительности. Слишком большой урон понесем. Есть ли, однако, другой путь?

Он задумался и, мне показалось, заколебался – сказать или не сказать – и всё же сказал:

Мы намерены отказаться от канонизированной технологии производства броневой стали, попытаемся получить такую сталь в большегрузных мартенах прямым путём. Против нас вся практика, весь мировой опыт, вся наука. Нарком командировал к нам из Златоуста одного из старейших специалистов по качественным сталям – Петра Егоровича Бояршинова. Предоставим Петру Егоровичу печки в ремонтно-механическом цехе. Однако на этом останавливаться не вправе. Иван Фёдорович Тевосян командировал к нам не одного Петра Егоровича. Сюда прибыло ещё «броненбюро», которое уже ряд лет занимается изысканием новых методов выплавки броневой стали.

Восьмитонные слитки броневой стали, сваренной в 185-тонных печах, таили великую тайну: годна ли эта сталь, чтобы прокатать из нее толстые листы? Сможет она защитить бойцов, которые спускаются в люки танков, от броневой брони снарядов врага?

Шёл второй месяц войны – горькое время, хотя ход военных операций развёртывался вовсе не так, как это было предусмотрено гитлеровским планом «Барбаросса». С первых же дней фашистское командование убедилось, что война против СССР не «прогулка по Европе».

Неожиданное решение

Уже после войны мне не раз приходилось встречаться с Г. И. Носовым, и он во всех подробностях описывал, как решили эту задачу.

Возник ряд проектов, где установить броневой стан, – рассказывал Григорий Иванович. – Оказалось, что всюду стан будет мешать нормальному ходу производства. В разгар дискуссии в кабинете появляется заместитель главного механика комбината Николай Андреевич Рыженко. Он один из наших старых кадровиков, знает каждый уголок завода, каждый стан. Рыженко всегда там, где более всего нужен. Он всегда находит самые неожиданные выходы из труднейших положений.

Ваше мнение, где можно поставить стан? – спрашиваю Рыженко. Он будто собирается с духом и говорит:

Где бы мы ни поставили его, он будет не на месте. А затем на монтаж стана уйдёт слишком много времени, его у нас нет.

Этого я от Рыженко не ожидал, никак не думал, что он впадёт в панику. Мне хотелось его оборвать, даже накричать на него: ещё чего не хватало, чтобы наши работники пытались ревизовать указания Москвы, решения ГКО! Но я сдержал накопившую ярость и правильно сделал.

Рыженко продолжал излагать свои мысли:

Уверен, что мы можем гораздо скорее и в больших количествах получить броневой лист.

Каким образом? – уже не сдерживаясь, почти кричу я.

Будем катать броневые листы на блюминге.

Катать броневые листы на блюминге?! Явная несуразица, – выкрикивает начальник блюминга.

Не только начальник блюминга поражён этой идеей, но и все присутствующие. Это что-то совершенно необычное, такое, что никому не могло прийти в голову. Но ни одной идеей нельзя пренебрегать, ни одну нельзя отбрасывать, прежде чем её всесторонне не осмыслишь, не изучишь, не проверишь. Тем более, если идея исходит от Рыженко. Он имел право на внимание. Завод ему многим был обязан, многие сложные механизмы переделаны по его проектам. В этом человеке

сочетаются тонкий конструктор и отличный организатор.

Вы хорошо продумали этот вопрос? – спрашиваю я его.

Не спеша, Рыженко отвечает:

Во-первых, габариты блюминга разрешают прокатывать листы необходимого размера. Во-вторых, мощности блюминга вполне достаточны. Остаётся только вопрос, как кантовать, переворачивать заготовку и затем убирать лист.

У Рыженко для этой цели наготове простые и остроумные приспособления, и он тут же демонстрирует эскизы. Всё убедительно.

Прошло совсем немного времени, с тех пор как на Магнитогорском металлургическом комбинате был пущен блюминг № 3. Работники завода не могли им налюбоваться, такой он был красавец. Блюминг был сделан на Уральском заводе тяжёлого машиностроения и даже внешне казался как-то солиднее, мощнее ранее установленного, поставленного германской фирмой «Демаг».

На демаговском блюминге я бы не стал предлагать катать броню. А на нашем, уральском, это сделать можно. Ничуть не сомневаюсь, – подчёркивает Рыженко.

Теперь все взоры обращены на начальника блюминга. Он бросается в бой. Вскрикивает и, страшно возбуждённый, заявляет:

Это величайшая нелепость. Блюминг полетит ко всем чертям. Нажимные винты не выдержат. Броневые листы на блюминге – это фантазия, которая плохо кончится. Мощности двигателей не хватит.

В воздух на паровозе

Кто же из них прав? Рыженко или начальник блюминга? Путь, предложенный Рыженко, быстро разрешает острейшую проблему. Он позволит ускорить начало производства броневых листов на много недель. Но нельзя с ходу отбросить прочь доводы начальника блюминга. В такое время вывести из строя самый мощный в стране блюминг. «Немыслимо подняться в воздух на паровозе», – сказал начальник блюминга. Но время-то необыкновенное, и решения нужны очень смелые.

На второй день совещание продолжается. Рыженко во всеоружии расчётов снова доказывает, что его план реален и осуществим. Завод может начать прокатывать броню самое большее через десять дней. У Рыженко уже появились и союзники: главный калибровщик Бахтинов, научные работники горно-металлургического инсти-

тута; они всю ночь проверяли расчёты. Однако начальник блюминга продолжает стоять на своём. Он пришёл, вооружённый своими расчётами, а также толстыми томами учебников, руководств.

Это чистая авантюра, – горячит-ся начальник блюминга и бросает Рыженко тяжёлое обвинение: – Вы ищите лёгких успехов...

В этот момент раздаётся характерный звонок аппарата ВЧ, телефонного аппарата прямой связи между кабинетом наркома и комбинатом. Говорит нарком чёрной металлургии И. Ф. Тевосян.

Где вы всё-таки решили установить броневой стан? – спрашивает нарком.

У нас возник вариант... На слове «вариант» нарком меня обрывает:

Вы, вероятно, не отдаёте себе отчёта в серьёзности момента.

И тогда уж я во все горло кричу: – Нет, отдаём! Будем катать броню на блюминге!

Теперь уж на другом конце провода замешательство. Нарком так же поражён этой идеей, как накануне был удивлён я сам. Излагаю суть предложения Рыженко, привожу доводы «за» и «против», подробно излагаю возражения начальника блюминга. Но нарком уже загорелся идеей.

Без риска, – говорит он, – ничего не делается. От того, как скоро мы дадим броню, зависит весь ход войны. Весь ход! Вы это понимаете?

Кладу трубку. На какое-то время в кабинете воцарилось молчание, как будто ждали приговора.

Что сказал нарком? – наконец робко спрашивает кто-то из тех, кто пока держался нейтралитета.

Нарком верит, что мы настоящие советские инженеры и сумеем решить трудную задачу, когда этого требуют интересы страны. Кроме нас, никто этого сделать не может. Николай Андреевич, когда могут быть изготовлены приспособления?

Их можно сделать за восемь-десять дней.

Итак, восемь дней. Начинайте подготовку. Ответственность на вас и Бахтинове. Действуйте вместе.

Начальник блюминга как будто весь съёживается, всеми фибрами души он протестует против этого плана. Но приказ есть приказ. А тем временем вновь раздаётся звонок из Москвы. У аппарата снова нарком.

Ваш план, – сообщает Иван Фёдорович, – принят. Если организуете прокатку броневых листов на блюминге и сможете выиграть два-три месяца, Родина вам скажет большое спасибо.

(Продолжение следует)